

АЛБИНА СКОРОДУМОВА

ТЕРРАКОТОВАЯ ФРЕСКА

The background of the cover features a woman with long, wavy brown hair, wearing a white crop top and a dark harness. She is carrying a large, olive-green military-style backpack and holding a black walking stick. She is standing in front of a traditional Chinese building with ornate, golden roof decorations. The scene is set in a misty or hazy environment with mountains in the background and birds flying in the sky.

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Альбина Скородумова
Терракотовая фреска

«ВЕЧЕ»

2020

Скородумова А. Ю.

Терракотовая фреска / А. Ю. Скородумова — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8476-6

Глиняный фрагмент старинной терракотовой фрески, попавший в руки китайского предпринимателя Чена, притягивает к себе внимание самых разных людей: ученых-исследователей из Германии, петербурженки Марины Рябининой и ее друзей, молоденькой студентки-китаянки Мей-ли и многих других. История мистической фрески уходит в далекие 20-е годы прошлого столетия, когда остатки белогвардейской армии генерала Дутова прятались от красноармейцев в древних пещерах Могао на территории Китая.

ISBN 978-5-4484-8476-6

© Скородумова А. Ю., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Альбина Скородумова Терракотовая фреска

Художник Макс Олин

© Скородумова А.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Все события, описываемые в романе, никогда не происходили в действительности.
Любое сходство героев с реальными людьми – случайно

Часть первая

Глава первая

*Западный Китай,
провинция Синьцзян,
весна 1921 года*

Красноватая пыль, столбом летевшая за всадником на кауром жеребце, была заметна издалека. Первым ее увидел Петруха Дронов, адъютант штабс-капитана Ремизова. Он выбрался из душной пещеры по малой нужде и увидел на фоне утреннего неба столб пыли. Пригляделся... и ахнул, увидев всадника.

«Неужели к нам? – с радостью подумал адъютант, забывший, зачем и выбирался-то из каменного мешка в этот ранний утренний час. – Наконец-то кто-то вспомнил про нас!» Петруха бросился назад, в пещеру, будить Ремизова, оглашая каменный коридор диким воплем радости: «Всадник! Всадник на лошади скачет к нам».

Ремизов выглянул из-за угла, сонный и помятый.

– Что же ты орешь так громко, голубчик? Понятно, что если всадник, то на лошади, а не на козе. Люди ведь спят еще, зачем их будить?

Он приставил ладонь к глазам, так как восходящее солнце слепило, не давая возможности разглядеть всадника. Действительно, молодой мужчина на лошади был европейской внешности, скорее всего, русский. Он то и дело подстегивал красавца коня, хотя тот и без того летел во весь опор. Что же могло случиться, если ранним утром в пещеру к брошенным воинам направили курьера с известием?

Третий месяц отряд оборванных и оголодавших белогвардейцев, тех немногих военных, оставшихся от армии атамана Дутова, квартировал в пещерах Могао близ китайского города Дуньхуана. После того, как этот небольшой отряд, в составе которого был и поручик Ремизов, перешел границу с Китаем и добрался до Дуньхуана, местные власти решили разместить белогвардейцев в пещерах Могао, растянувшихся на несколько километров. С этим решением местных властей немногочисленная буддистская братия, хозяйничающая в пещерах, где издревле действовал буддистский монастырь, согласилась с истинно восточным смирением. Так как комплекс был огромный, растянувшийся на несколько километров, несколько живших в нем монахов переместились в его самую дальнюю часть, чтобы никак не пересекаться с измученными, потерявшими веру в царя-батюшку, солдатами. Сходство пещерного комплекса с обычной казармой уже не раз приводило к тому, что здесь то и дело кого-то поселяли. Когда-то здесь располагался действующий буддийский монастырь, в котором то и дело останавливались паломники. Большое количество маленьких комнат, вырубленных прямо в скале много веков назад, рассчитанных на пребывание в них одного или двух человек, позволяли свободно разместить в комплексе более пятисот человек. Комнаток или келий здесь было бесчисленное количество. Точное их число никто не подсчитывал, по мнению Ремизова, здесь их было сотни четыре. В более приличных помещениях разместились офицеры, в тех, что были похуже – обслуга. Было здесь место и для лошадей, кухни, склада, лазарета и еще огромное количество закутков, которые просто пустовали.

Растерянность, царившая в рядах белогвардейцев, оказавшихся здесь после убийства Дутова, обещала перерасти в полное безразличие. Генерал Бакич, все силы которого уходили на междоусобную войну за первенство власти, казалось, совершенно забыл про отряд Ремизова, «квартирующий» в пещерах старинного буддистского монастыря. Военной части русской

эмиграции в Синьцзяне необходимая была жесткая консолидация в твердых крепких руках. Это понимали все – и офицеры, и солдаты, только жить легче от этого понимания им не становилось.

Ремизов устал. Его солдаты давно уже научились выживать в нелегких условиях – торговались с местным населением, обменивая провиант на одежду и еду. Оружие тоже шло в ход, как и жалкие остатки медикаментов. Сколько еще такое положение могло тянуться – никто не знал. Поэтому так радостно и вопил Петруха, завидев всадника.

Ремизов оживился: быстро застегнул китель, накинутый на плечи кое-как, пригладил волосы, провел по заросшему щетиной подбородку... Вот побриться бы не помешало, но это так проблематично...

Всадник – молодой голубоглазый парень, энергично спешившийся и побежавший к Ремизову, показался ему знакомым. Где-то он его уже видел, но где? В ставке Бакича или у Анненкова? Между тем паренек подошел к Ремизову, но прежде чем обратиться, скосил глаза на Петруху.

– Петр, вы что, не видите? Человек такой путь проделал по пескам, сообразите хоть чаю, что ли... – Ремизов сообразил, что лучше отослать своего ординарца.

Дронов тут же бросился вглубь пещеры, а паренек быстро достал из внутреннего кармана небольшой конверт:

– Здравствуйте, штабс-капитан, вот просили передать лично в руки, без свидетелей...

– Кто просил? Вы почему не представились? Да и одеты не по форме...

– Я действую, как частное лицо...

– Так вы не от Бакича?

– Нет. Я от профессора Немытевского. Помните, мы виделись у него на праздновании Рождества? В Петербурге.

Только сейчас Ремизов вспомнил, откуда он знает гонца. Конечно, это же ученик Немытевского, потенциальный жених профессорской дочери Ольги. Только имя позабыл. Гонец сам пришел на выручку:

– Меня зовут Николай Платов. Я ассистент Петра Петровича Немытевского.

– Да, конечно, Николай. Я отлично вас помню, только не сразу узнал.

– Да и вы сильно изменились. Похудели. Тяжко здесь.

– Да уж... Так с чем ко мне пожаловали?

– У меня для вас письмо. Очень важное. Я почти неделю к вам пробираюсь. Хорошо, что знаю китайский язык и наречия. А-то сколько бы еще пришлось на перекладных добираться, одному Богу известно. Мы ведь с профессором уже второй год как в Китае обретаемся, всё фрески в Безеклыке исследуем. Я уже целую тонну бумаги извел, все пишу отчеты под диктовку профессора. Вы ведь, Павел Петрович, знаете, как долго мечтал профессор Безеклык посетить, а когда возможность подвернулась, так он в путешествие бросился, как в омут с головой. А теперь вот не знаю, что дальше с нами будет... Вы письмо прочитайте, ответ напишите, и я опять назад поскачу. Коня мне только на три дня дали... Видите ли, плохо профессору, совсем плохо. Болезнь у него обнаружилась здесь, в Китае. Никак не определить, что за хворь... Хочу поскорее с вашим ответом к нему вернуться.

Ремизов позвал Петруху. Велел ему накормить гонца и уложить на свой топчан, чтобы поспал пару часиков перед обратной дорогой. А сам пошел в горы, на свое излюбленное место, где можно было внимательно прочитать письмо и написать ответ, ни на что не отвлекаясь.

Павел Петрович Ремизов – потомственный дворянин, по принуждению родителей ставший офицером, всю свою жизнь – с самого раннего детства – увлекался историей. Пяти лет от роду, едва научившись читать, он большую часть своего свободного времени проводил в дедушкиной библиотеке, разглядывая книги по истории Древнего Рима и античной Греции.

Его нянька – деревенская тетеха, этакая пародия на пушкинскую Арину Родионовну, ростом под два метра с кавалергардской выправкой, была безмерно счастлива, что ей достался такой «тихонький барчук», любивший уединение в библиотеке, а не прогулки на свежем воздухе. Родители, долгие годы пребывавшие в неведении относительно того, как их единственный сын проводит дни ввиду сильной занятости светской петербургской жизнью, верили на слово своей разворотливой служанке, выполняющей также роль няньки, поварихи, горничной и прочее, за довольно невысокое жалованье. А сын Павлуша никогда и не думал выдавать свою кормилицу-поилицу, потому что часы-дни-месяцы, проведенные в библиотеке, были для него гораздо приятней игр со сверстниками и прогулок в Летнем саду.

В отрочестве, когда дела родителей пошли совсем плохо, а заслуги деда перед Отечеством стали постепенно забываться, отец чудом умудрился пристроить Павла в Пажеский корпус, в котором учились дети именитых дворян, решив, что на военной службе сыну проще будет прожить без средств. Родители его к тому времени уже растрянжирили все, что осталось от состояния его деда.

Об увлечении сына историей Ремизов-старший, скорее всего, и не догадывался. Он совершенно не интересовался мальчиком, как, впрочем, и его супруга. Так и рос Павел под приглядом няньки, а затем своего наставника в кадетском корпусе.

Муштра и военное дело не смогли отбить охоту к увлечению историей. Павел, лишившись возможности изучать богатейшую библиотеку своего деда, подружился с преподавателем латыни – поляком по происхождению Здиславом Грабжбовичем, большим любителем истории и археологии. В молодости Грабжбович даже побывал на раскопках Трои, но серьезная травма помешала ему стать исследователем-путешественником, и он стал зарабатывать на жизнь преподаванием «мертвых» языков. Особенно велик спрос на латынь был в России, куда он и перебрался. Подрабатывал и в Пажеском корпусе, где не по годам эрудированный в вопросах истории Павел Ремизов вскоре стал его любимцем. Именно Грабжбович познакомил юного кадета с профессором Немытевским и ввел его в эту семью.

...Разорвав пакет, Ремизов извлек из него увесистую пачку листов, плотно исписанных мелким убористым почерком профессора. Пристроившись на солнечной подветренной стороне и прислонившись к разогретому камню, он начал читать послание:

«Друг мой Павел Петрович, здравствуйте! Несказанно рад был узнать, что вы уцелели в этой страшной мясорубке, выбрались из красной России, и даже оказались в Китае, совсем рядом со мной. Случайно, совершенно случайно, услышал вашу фамилию в разговоре с господином Ле-Чжином, местным градоправителем, который слезно жаловался мне на разбой, учиненный формированием генерала Бакича. И в качестве приличного офицера, удерживающего свое подразделение в относительном порядке и узде, назвал нашу фамилию. Как же я обрадовался, когда понял, что он говорит про вас! А когда узнал, что квартируете вы в пеицерном комплексе Могао близ Дуньхуана, так обрадовался вдвойне. В какое замечательное место вы попали! Ведь это просто святая святых – собрание старинных буддийских раритетов! К тому же это совсем недалеко от моего нынешнего места обитания – верст 500 будет от вашего прибежища.

Отправил к вам моего верного помощника Николенку с этим письмом. Видите ли, у меня здесь в Китае обнаружилось довольно странное заболевание, которое пока не знают, как лечить. Вы ведь помните, какой я крепенький старикашка – на раскопках везде и встуду успевал и не всякому студенту за мной удавалось угнаться, а теперь что-то странное со мной происходит... Болезни, как таковой, я не ощущаю, а вот слабость в теле невероятная. Встать утром с постели – целая драма. Дрожь в ногах и руках, слабость такая, что стакан к губам с трудом подношу. Вот ведь какая незадача со мной приключилась и, главное, так не вовремя. Я ведь, дорогой вы мой Павел Петрович, обнаружил здесь нечто необыкновенное.

Точнее сказать, то, чего в данной местности просто быть не должно. Не должно, но существует!!!

Не могу, батенька мой, никак не могу описать вам все это в деталях – страшно делается. Очень хочу вас, голубчика, увидеть и при встрече, при встрече все рассказать. Я даже Николеньке открыться не могу, настолько серьезными (и опасными) могут быть последствия моего открытия. А я ведь настоящее ОТКРЫТИЕ совершил. Нашел то, что ни одному ученому или археологу до меня не удавалось сделать. Очень надеюсь, что в самое ближайшее время смогу вам все сообщить. Дорогой Павел Петрович, вы уж изыщите возможность навещать меня, старичка, в самое ближайшее время, а то вдруг болезнь моя окажется чем-то серьезным и не смогу я передать миру то, что обнаружил здесь. Надеюсь на вас и жду, очень жду... Искренне ваши, профессор Немытевский».

Ремизов, отложив письмо, задумался. Он много лет знал чудаковатого профессора Немытевского, уважал и любил его, как близкого человека. Знал и то, каким одержимым становился этот немолодой уже человек, когда дело касалось его любимых манускриптов эпохи Тан. Немытевского, преподававшего в Петербургском университете, очень любили студенты, но преподаватели относились к нему осторожно. Коллеги считали Немытевского немного «не от мира сего» за его рассеянность, увлеченность своей работой, граничащую с фанатизмом. Однако профессор не обращал на это никакого внимания, точнее, не замечал косых взглядов и ухмылок в свой адрес.

Ремизов понял, о каком открытии в такой завуалированной форме написал ему старинный приятель. Несмотря на разницу в возрасте, почти двадцать лет, и в социальном статусе – один профессор, другой кадровый военный, – они все-таки были добрыми приятелями. Конечно же, речь шла о «терракотовом списке Чжана». Этот документ на протяжении многих столетий бередил умы историков и синологов. О нем знали все, но никто никогда его не видел...

Известно, что в первом веке нашей эры китайский путешественник (по другим сведениям – лазутчик императора Уди) Чжан в ходе многолетней экспедиции добрался до государств Срединной Азии, до этого времени китайскому императору Уди неизвестных. На основании отчетов Чжана император принял решение о присвоении этих земель, отвоеванных у кочевников, и создании на их территории новых китайских провинций – Дуньхуан, Увэй и других.

Уди очень увлекся этим проектом, как оказалось впоследствии очень важным для становления и укрепления Китая. Но Чжан, или обидевшись на равнодушие императора, не проявившего особого интереса к его рассказам, или по каким-то другим причинам, утаил часть важной информации от своего повелителя...

А ведь в результате этого сложного, подчас опасного для жизни похода Чжану удалось обнаружить старинное поселение, брошенное и почти полностью засыпанное песком. Так как на территории Срединной Азии испокон веков велись войны между разными племенами, то и дело оседавших в этих красивых и плодородных местах, то наличие крохотных поселений, существовавших от одного нашествия до другого, никого не удивляло. Как правило, они оказывались полностью разграбленными, уничтоженными, но Чжану удалось-таки раскопать что-то совершенно необыкновенное, уникальное, что он даже утаил от императора. Эти сведения он тщательно оберегал и хранил в тайне, но в конце жизни всю имеющуюся информацию разместил и зашифровал в некоем «терракотовом списке». Впоследствии, в девятнадцатом – начале двадцатого века множество экспедиций из Европы и Америки навевывались в пески Срединной Азии, и каждая возвращалась с весомым багажом находок, но вот «списка Чжана» никому обнаружить не удавалось. Немытевский почему-то был уверен, что заветный список дожидается его...

Мнения о том, что именно зашифровано в этом документе, существуют самые разные. Немытевский считал, что список – это некая опись предметов, обнаруженных Чжаном на месте таинственного поселения, и схему или карту, по которой это место можно отыскать. Скорее всего, изъять необычные предметы Чжану не удалось, видимо, потому, что они находились под защитой кого-то (или чего-то), иначе он бы привез найденное с собой. Но то, что эти предметы были очень ценными, сомнений не вызывало.

Что стало с талантливым путешественником, составившим «терракотовый список», неизвестно, но во многих письменных источниках, которые попадали Немытевскому в руки, нет-нет да и проскальзывало какое-нибудь упоминание об этом документе. Однако никто не знал, как выглядит список – ясно только, что он был терракотовым, что, скорее всего, означало, что выполнен он был из глины.

Ремизов попытался вспомнить все, что о списке рассказывал ему профессор. Дело в том, что самого Павла Петровича история возникновения списка и его злключения оставляли равнодушным. Он даже удивлялся тому нескрываемому интересу, который Немытевский испытывал к этой почти мифической истории. Сказка, да и только! Однако, чтобы не разочаровывать пожилого человека, он делал вид, что увлечен историей «терракотового списка» не меньше самого рассказчика.

И вот, надо же, напомнил-таки список о себе! Только время не самое лучшее для его поисков...

Ремизов поехал. Несмотря на то что солнце уже припекало, холодом тянуло из горных расщелин довольно сильно. Он озяб и, свернув письмо, положил его в карман кителя. Пора возвращаться. Повернувшись в сторону лагеря, он боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло у него за спиной. Ремизов резко повернулся, но ничего подозрительного не увидел.

«Вот, началось, – печально подумал он, – уже собственной тени стал бояться...»

Глава вторая

*Санкт-Петербург,
март 201* года*

Марина медленно шла по Дворцовому мосту, кутаясь в шарф, подаренной мамой на праздник 8-го марта. Очень своевременный подарок. Несмотря на то что зима потихоньку отступает, весеннего ветра стоит опасаться. Простывать сейчас нельзя. Очень опасно на ранних сроках беременности. Опять же, надо больше гулять на свежем воздухе. Поэтому Марина теперь ходила из университета пешком до метро, кутаясь в матушкин подарок.

Шеф, учитывая ее состояние (жуткий токсикоз по утрам), составил для нее щадящее расписание – минимум лекций и семинаров – и загрузил писаниной, которую можно было выполнять дома, за любимым компьютером, в теплом халате и мягких тапочках из натуральной овчины. Так что Марина Юрьевна Рябинина была очень довольна жизнью.

В последние месяцы ее жизнь превратилась в подобие рая. Не надо никуда спешить – лекций раньше часу дня не было, давиться в час пик в метро или маршрутке – в сапожках без каблуков можно смело ходить пешком, есть все самое вкусненькое и только то, что хочется, а не то, что мама готовит по утрам. Ведь есть железная отговорка – от каши меня тошнит. На самом деле Марина счастливо избежала того состояния, когда от всего тошнит. Но маме этого знать было не обязательно. А то еще заставит принимать какой-нибудь рыбий жир. За последние два года в ее жизни произошло столько всего, что могло хватить лет на тридцать. Так что рай, как ни крути, вполне заслуженный. После таких приключений, какие ей пришлось испытать, должен же быть перерыв!

...Марина Рябинина долгое время вела более чем скромный образ жизни, вполне сочетающийся с ее профессией и семейным положением. Она преподавала в университете, занималась научной работой, публиковала научно-популярные статьи во многих изданиях и, естественно, была не замужем. Иначе 24 часов в сутках ей бы не хватало. Бойфренд, конечно, был... но далеко, за границей, к тому же женатый. Так что Марина Юрьевна могла посвятить всю себя любимой работе и поиску своей «Трои». Так называла Марина ненайденную цивилизацию под названием Сигора, которая по некоторым источникам существовала много веков назад на Алтае, в самом сердце Срединной Азии.

Сигора была ее страстью, ее раем и адом. Впервые Марина услышала о ней еще студенткой, потом во время поездки на Алтай случайно ей в руки попала рукопись Карынпачи, в которой очень подробно была написана история Сигоры, ее жителей айяндаков и их предводительницы. С тех пор Марина потеряла покой, потому что увлеклась идеей найти Сигору. Явить миру неизведанную цивилизацию, а вместе с тем и несметные сокровища, принадлежащие таинственному племени айяндаков, навевающих страх на жителей городов-государств, раскиданных по маршрутам следования Великого шелкового пути...

Алтай с его чарующей энергетикой, с тайнами и загадками, которые задолго до рождения Марины, тревожили умы известных исследователей, путешественников, ученых, так просто никого не отпускает. Он заманивает искателей приключений в свои сети неземной красотой, древними легендами и сказаниями, лишая покоя и сна пытливые умы.

Но не только Марине Рябининой хотелось найти Сигору. Об этом же мечтал Владлен Алексеевич Троеглазов – известный олигарх, владелец нефтяной компании «Троя-Ойл», большой знаток и ценитель старинных раритетов. В своем далеком детдомовском детстве Владлен успел объездить этот загадочный уголок земли вдоль и поперек в составе геолого-разведочной экспедиции. Узнал от своего наставника одну красивую не то историю, не то сказку... Она много лет не давала ему покоя, пока он не наткнулся на статьи и исследования Марины Ряби-

ниной. Троеглазов внимательно изучил все, что Марина писала об Алтае, о своих находках и открытиях. Он решил встретиться с ней и уговорить на поездку на Алтай, туда, где, по его мнению, кстати, очень схожее с мнением Марины, должна была находиться Сигора.

Встретился. Уговорил. Поездка закончилась печально. Место, где находилась когда-то таинственная Сигора, нашли, но сам Троеглазов оказался погребенным под грудой камней, заваливших вход в вождленную Сигору...

С тех пор прошло два года. Марина сделала все возможное, чтобы навсегда забыть о Сигоре. В этом ей очень помог Гюнтер Зоммер, историк-этнограф из Германии, а также отец ее будущего ребенка. Теперь вся ее жизнь была поделена на два периода: до Сигоры и после. Все, что было «до», Марина постаралась похоронить как можно глубже в глубинах своей памяти. А жить с тем, что стало «после». В частности, в любви и согласии с Гюнтером.

«До» Гюнтер был женатым человеком, отцом двух очаровательных мальчишек-близнецов, постоянно живущим в Кельне, и только «после» он стал ее мужчиной. Жена Барбара сама подала на развод, почувствовав, что поездки Гюнтера в Петербург и Хельсинки, где он работал над своей монографией, закончились серьезным романом. Марина в душе была очень признательна Барбаре за то, как она достойно повела себя в подобной ситуации. В России брошенные жены ведут себя по-другому... А горечь расставания Гюнтера с детьми Марина постаралась смягчить тем, что сама познакомилась с близнецами и подружилась с ними. Когда они приезжают с отцом в Россию, то живут в квартире Марининой мамы Галины Алексеевны. Теперь у них есть настоящая русская бабушка, которая варит им борщ и пельмени, возит на экскурсии в Эрмитаж и пригороды Петербурга, развлекает мальчишек по полной программе. Так что им есть чем похвастаться дома, в Кельне. Барбара рано осталась сиротой, и рано вышла замуж за Гюнтера – их родители были очень дружны. Поэтому сейчас, по истечении многих лет, стало понятно, что брак Гюнтера и Барбары был, что называется, браком по расчету. Расчету родителей, которые забрали осиротевшую Барбару после трагической гибели родителей в автокатастрофе к себе в дом, а потом как-то вдруг решили поженить детей. Все было замечательно, супруги ладили, жили дружно, пока в один прекрасный день Гюнтер не встретил Марину...

В течение нескольких лет Марина и Гюнтер встречались во время частых командировок и поездок по любому поводу (да и без повода тоже) в Хельсинки. Этот город был их сообщником, ведь именно в Этнографическом музее Гюнтер работал над материалами для своей монографии, а Марина умудрялась ездить туда на рейсовом автобусе в каждый свободный выходной. Благо, что с финской визой проблем у нее не возникало.

Но когда Марина пропала на Алтае, а Гюнтер стал жертвой автокатастрофы, он, едва подлечившись, бросил все, приехал в Россию и с замечательным парнем Володей Тарасовым отправился на розыски Марины. Нашел. Она была в состоянии, близком к помешательству. Ведь в одночасье обнаружив Сигору, она тут же потеряла ее. А вместе с Сигорой оказался погребенным под завалами и сам Троеглазов. Все спасательные работы, которые инициировал помощник Троеглазова Тимофей, не дали никаких результатов.

Вот что было «до». «После» на любое упоминание о Сигоре было наложено строжайшее табу. Марина и Гюнтер стали жить вместе. Во всяком случае, стараться жить вместе, потому что Гюнтер Зоммер продолжал работать в Кельне и часто уезжал по делам. Но в общем и целом недели две в месяц он проводил в Петербурге. Это для счастья хватает им обоим.

Кстати, пропавший без вести в каменном плену Троеглазов перед поездкой на поиски Сигоры написал завещание, по которому 500 тысяч евро наследовала Марина Рябинина на развитие своих научных проектов. Правда, узнала она об этом уже много месяцев спустя... Но так как еще не прошло пяти лет, по истечению которых без вести пропавшего человека могут признать погибшим, денег она пока не получила. Потом на эти деньги можно будет купить квартиру побольше... Хотя для Гюнтера, который имеет свои счета с Троеглазовым, такой «подарочек» от олигарха – что кость в горле. После того, как он узнал, что именно Троегла-

зов организовал аварию, в которой Гюнтер серьезно пострадал, он очень на него рассердился. Жаль, что не успел поговорить с Троеглазовым по-мужски, выяснить, в чем же он так провинился перед ним. Но ответ на этот вопрос так и остался открытым. В последние месяцы Гюнтер стал особенно много работать. Как только узнал о том, что Марина беременна, просто загорелся идеей покупки собственного дома на берегу Финского залива. Марина попыталась ему объяснить, что земля в Курортном районе Санкт-Петербурга не намного дешевле, чем, например, в окрестностях Баден-Бадена, и им не потянуть такую покупку, но спорить с ним было бесполезно.

– Моя дочь должна жить в очень красивом месте, – убеждал он Марину, – в экологически чистом районе. У меня есть кое-какие сбережения, намечается еще один перспективный проект, в результате которого я получу хорошие деньги. Так что домик, небольшой, в два этажа, мы обязательно приобретем.

Марина не могла понять, почему Гюнтер был уверен в том, что родиться обязательно девочка. УЗИ на малых сроках не показывает пол ребенка, но у папочки была железная уверенность в том, что родиться девочка. Спорить с ним она не стала, тем более что ничего не имела против дочки, да и домик окнами на залив ее вполне устраивал.

Вот только перспективный проект, о котором Гюнтер не очень охотно рассказывал, внушал небольшие опасения. Марина поняла только, что проект спонсирует крупная немецкая корпорация, куда Гюнтер приглашен в качестве эксперта-этнографа и координатора. Предполагалось, что в течение нескольких недель большая экспедиция, состоящая из этнографов, историков и археологов, пройдет по маршруту, бывшему очень популярным в начале двадцатого века – по пути следования путешественников Ле Кока и Фердинанда Рихтгофена в Западном Китае, который они совершили ровно сто лет назад. В 1903–1914 годах здесь побывали десятки экспедиций из разных стран. Чаще других сюда приезжали немцы и французы, затем англичане и шведы, да и русские путешественники, начиная с Пржевальского, здесь неоднократно бывали.

Причиной паломничества на руины древних китайских поселений стало случайно обнаруженное в буддийском монастыре недалеко от Дуньхуана уникальное хранилище рукописей, живописных полотен, музыкальных инструментов и других предметов, датируемых IV–XII веками и спрятанными монахами много лет назад. Раритетов было обнаружено великое множество – около 50 тысяч единиц, хотя, скорее всего, их было гораздо больше. Тонны, именно тонны ценных грузов были вывезены в эти годы в Германию, Англию, Швецию и даже Америку, но сколько еще оставалось в этом удивительном хранилище Дуньхуана! Велика вероятность того, что далеко не все хранилища удалось найти.

Клара Кейдер была идейным вдохновителем экспедиции в Дуньхуан. Ей почему-то казалось, что она непременно там должна что-нибудь обнаружить. Непременно! И как только подвелась возможность его посетить, она немедленно за нее ухватилась. И получила грант на организацию экспедиции в честь столетнего юбилея первой немецкой экспедиции на раскопки древних памятников Синьцзяна, основанной берлинским Музеем этнологии, финансируемую самим Фридрихом Круппом. Несколько месяцев Клара вела активную переписку со всевозможными инстанциями в Китае, собирала рекомендательные письма, справки, сопроводительные документы, без которых въезд в Поднебесную и возможность там поработать был бы весьма проблематичен.

Марина знала Клару ровно столько, сколько и Гюнтера. Когда они впервые встретились в Хельсинки на международной конференции, Гюнтер был вместе с Кларой. Марина еще очень удивилась, когда увидела их вместе: красивый мужчина в сопровождении высокой угловатой девушки в роговых очках с толстыми стеклами. Смотрелись они вместе весьма комично, но понимали друг друга с полуслова и практически не расставались. Только после того, как у

Марины и Гюнтера завязался роман, он объяснил, что работает с Кларой над одной темой много лет и дружит с ней еще со студенческой скамьи.

Поначалу Клара не приняла Марину. Она жалела Барбару и детей. Но когда познакомилась с Рябининой поближе, поняла, что она вовсе не расчетливая разлучница, а просто влюбленная в Гюнтера, привыкла. В конце концов, Марина тоже многим жертвовала ради Гюнтера и не настаивала на его разводе. Барбара сама решила отпустить мужа в Россию.

Клара много времени проводила с Гюнтером, и именно от нее он научился так хорошо говорить по-русски. Ведь она была, что называется, «русс-дойч». «Русскими немцами» в Германии называют переселенцев-эмигрантов, приехавших из России и стран СНГ. Клара в начале восьмидесятых, еще школьницей, переехала в Германию вместе с родителями. До этого она жила в поселке Оксановка в Казахстане, куда во время Великой Отечественной войны из Поволжской немецкой республики были сосланы многие немецкие семьи, в том числе и ее дед и бабушка.

Клара с детства мечтала уехать на историческую родину. В Оксановке ее не любили. Обычно и русские, и немецкие ребята держались все вместе, только когда играли в «войнушку» делились на своих и чужих. А ее не брали ни в одну команду, хотя бегала она быстрее многих пацанов. Девчонок в Оксановке было почему-то немного, мальчишек было раза в три больше. На фоне такого мужского окружения, Клара и сама была пацанкой – ходила в брюках или шортах, любила лазать по деревьям, но все равно мальчишки в ее свой брутальный мужской круг принимать не хотели. Поэтому играм на улице она предпочитала чтение.

В школе преподаватели всегда неохотно ставили ей «пятерки» по русскому языку и литературе, вполне заслуженные, между прочим, мотивируя тем, что она «плохо работает над русским произношением». А еще ее все дразнили «Кларой Цеткин», хотя у фамилий Кейдер и Цеткин нет абсолютно ничего общего. Поэтому ей очень хотелось уехать в Германию...

А когда этот самый сложный переезд состоялся, она стала очень скучать по казахстанским просторам, алтайским горам и особенно по соседям – тете Вале и дяде Андрею Валовым, к которым по субботам они ходили в баню, а потом ели домашние пельмени... Ух, как же часто она вспоминала эти субботние посиделки.

Когда пришла пора выбирать профессию, Клара решила поступать на исторический факультет, а специализироваться – по истории Китая. Почему Китай? Потому что он граничит с рудным Алтаем, где она родилась и откуда так хотела уехать. А теперь, переехав в самый центр просвещенной Европы, скучала по своей малой родине до слез... Поэтому и выбрала для себя синологию, которую решила изучать в Гамбургском университете. Параллельно она стала изучать китайский язык, в результате чего с годами превратилась в первоклассного специалиста по синологии.

В Гамбурге она и познакомилась с Гюнтером Зоммером, знакомство переросло в многолетнюю дружбу, которой оба – и Гюнтер, и Клара – очень дорожили.

Клара добилась гранта на организацию экспедиции в Дуньхуан, собрала группу из лучших немецких специалистов и нашла спонсоров. Как ей это удалось, для Гюнтера и остальных членов групп осталось загадкой. Она умела хранить свои секреты не хуже, чем Великая Китайская стена.

При всем уважении к профессионализму Клары, Марина очень сомневалась в ее организаторских способностях. Клара была патологически беспомощна в организации быта. Дома у нее царил полный хаос, несмотря на немецкую педантичность и любовь к порядку. Возвращаясь из командировок, Клара с остервенением бросалась на борьбу с пылью и грязью, уничтожала микробы и грязь, до дыр протирая резиновые перчатки. Однако при этом книги у нее лежали аккуратными стопочками рядом с письменным столом, а не стояли на полках, записи и наброски монографий были подшиты в пронумерованных папках, которые «жили» в ванной

комнате, на полочке вместе с флаконами и тюбиками, или на кухне, где-нибудь между микроволновкой и хлебницей.

Клара любила порядок, «но странную любовь». Как при этом она смогла бы руководить группой ученых за тысячи километров от цивилизованной Германии, на раскопках в заброшенной местности, более всего беспокоило Марину. Вся надежда была на рассудительность Гюнтера и его умение быстро мобилизоваться в любой нестандартной ситуации.

Сейчас он как раз в Германии заканчивал приготовление к экспедиции, которую решено было начать в начале апреля, после праздника «цинмин», когда в районе Дуньхуана установится ровная теплая весна. Праздник «цинмин» отмечается на 15-й день весеннего равноденствия, обычно 4 или 5 апреля, когда дневная температура начинает стремительно расти и устанавливается теплая, комфортная погода. В это день в Китае официальный выходной, люди выезжают на пикники, посещают могилы усопших родственников на кладбищах, а вечером – запускают в небо яркие фонарики. Красивый праздник, чем-то напоминающий нашу Пасху.

Глава третья

*Западный Китай,
весна 1921 года*

Павел Петрович Ремизов никак не мог выбрать время, чтобы навестить профессора Немытевского в Безеклыке. Сначала среди солдат начались волнения, связанные с сильным отравлением большой группы людей, человек в тридцать, которые тяжело переносили болезнь. Люди, уставшие от безделья и полной неопределенности, казалось, только и ждали случая, чтобы «взорвать» свое унылое существование, а тут еще это отравление. Полковой эскулап Кацебо причиной отравления посчитал мясо, которое солдаты приобрели у местных жителей в небольшой деревеньке. Как только он высказал свое предположение, здоровые парни решили тут же идти в деревню и учинить там полный разгром. Ремизову пришлось с оружием в руках умирять недовольных, а доктору за такие необоснованные предположения он в следующий раз пообещал самолично прострелить череп, чтобы впредь было неповадно.

В последнее время умирять засидевшихся на одном месте солдат стало все труднее. А от генерала Бакича по-прежнему не было никаких известий. Доктор Кацебо, не на шутку пристрастившийся к алкоголю, становился невыносимым. У солдат доктор пользовался авторитетом, вполне, кстати, заслуженным, так как мог вылечить любого заболевшего воина. На поле боя, в экстремальных условиях он мог прооперировать раненого, в мирное время мог без особого труда по виду больного определить диагноз и за два-три дня поставить заболевшего на ноги. Но в нынешних условиях, после перехода китайской границы и размещения в пещерах Могао, когда перспективы пребывания русской армии в Китае были совсем не радужные, Кацебо затосковал. Он скучал по семье, о которой много месяцев не имел вестей, о былых подвигах во славу царя-батюшки и русского отечества, о и чем-то еще, так сильно печалившем его. Скучал и пил, пил и скучал.

С Кацебо Ремизова связывало не то чтобы дружба, но многолетнее знакомство и служба в одном полку. Приступы меланхолии случались у каждого второго «квартиранта» пещер Могао, да и самого Ремизова порой посещали не самые веселые мысли, но только доктор вел себя так вульгарно.

Ремизов решил взять его с собой к Немытевскому. Когда волнения мало-помалу улеглись, и появилась возможность выехать из отряда на пару дней, Ремизов отправился на переговоры с Кацебо.

Пещера-«келья», в которой располагался доктор, была, пожалуй, самой светлой и чистой. Она разделялась на две части, в одной из которых даже имелось окно. В светлой части доктор проводил прием и осмотр больных, здесь же стояли два топчана, покрытых относительно чистыми простынями на случай карантина.

Кацебо не ожидал прихода командира. Он сидел за столом, склонившись над листом бумаги, и что-то увлеченно писал. Ремизов кашлянул для приличия. Как только он увидел Павла Петровича, расплылся в счастливой улыбке и мгновенно смахнул листы бумаги в ящик стола.

– Что за подарок небес! К нам пожаловал светлейший князь... – начал было витийствовать Кацебо, но Ремизов его быстро прервал.

– Хватит, Валериан, не стоит разыгрывать очередную пьесу. Знаю, актер ты хороший, но я к тебе по другому делу.

– Неужели, хворь какая приключилась?

– Приключилась, но не со мной. Заболел мой старинный приятель, профессор, который гонца присылал на днях. Просил меня приехать к нему, а я все никак не мог собраться. А

тут во сне его увидел. Нехороший был сон. Чувствую, что пора навестить старика. Хотел тебя пригласить прогуляться со мной, пока у нас тут все тихо-мирно...

– А чем болен профессор? У нас с медикаментами дела неважно обстоят, но кое-что у меня припасено... на «черный день».

– В письме он писал, что местные доктора не берутся ставить диагноз. Симптомы непонятные – болей никаких нет, а вот слабость сильная. Стакан ко рту поднести не может. Осмотрел бы ты его.

– С превеликим удовольствием! Хоть на денек вырваться из этой добровольной тюрьмы почту за счастье. А на кого отряд оставишь?

– Мы же ненадолго уедем, Дронов справится. Но для порядка старшим назначу поручика Качанова. Ну как, едем?

– Конечно!

– Завтра на рассвете и выезжаем. Захвати, на всякий случай, каких-нибудь медикаментов из запасов на «черный день».

Поездка по степи пошла на пользу обоим. И Кацебо, измученный «пещерной» жизнью, и Ремизов, уставший от ожидания того, что же будет с их отрядом, с большим удовольствием скакали по предрассветной степи. Солнце еще только-только окрасило горизонт розоватым свечением, утренний воздух был холодным, морозным, он пощипывал щеки и нос. Однако им обоим было как-то удивительно хорошо, спокойно. Быстрая езда вперед, на восход солнца, придавала их застоявшейся жизни новый импульс.

Кацебо давно хотел поговорить с Ремизовым по душам, но подходящего случая как-то не представлялось. А вопросов накопилось к командиру отряда много. Зная, что другого случая поговорить без свидетелей может не быть, Валериан решил на разговор, переходя на более спокойный шаг.

– Павел Петрович, не хочу показаться бестактным, но мне кажется, нам пора расформировывать отряд и отпускать людей.

– Вообще-то за такие призывы, Анненков на месте расстреливать приказывает. Упаднические настроения в армии опаснее дизентерии или тифа.

– Так мы сейчас не в армии, а просто разговариваем, как два старых приятеля...

– Мы же не приятели, просто сослуживцы с общим прошлым.

– Да я в друзья и не набиваюсь. Я просто для себя понять хочу: что с нами будет? Зачем мы тратим время и сидим в этом жутком китайском захолустье? Пока был жив и здоров Дутов, все более или менее понятно, теперь-то что?

– Валериан, есть еще Анненков и Бакич, они помнят о нас. Ну не до того сейчас им, понимаешь? У нас в отряде дисциплина, порядок, ...относительный порядок. А в других подразделениях и того хуже. Мы просто должны еще какое-то время продержаться. Я думаю, ждать осталось недолго.

– А я думаю совсем о другом. Пока мы здесь от безделья с ума сходим, в России красная чума косит людей. Голод, холод, фабрики и заводы стоят. Я не знаю, что с моими детьми и женой стало, что с родителями... Мне плохо, совсем плохо от этих мыслей становится... Жить так уже нет сил.

– Ты хочешь в Россию? Иди. Допустим, я закрою глаза на то, что ты сбежишь. Не стану объявлять тебе дезертиром, не пошлю погоню. И что ты станешь делать? Не добрать тебе до Петербурга отсюда одному. Схватят или свои, или китайцы. Границу как переходить собираешься? Забыл, как мы прорывались? У красных заводы стоят, а вот границы охраняются огого как.

– Я давно все продумал... и придумал. У меня уже есть надежные поверенные люди среди местных. Я ведь для них что-то вроде шамана. Подлечил двух-трех человек и уже национальный герой. Если попрошу, мне не откажут.

– А что ты собираешься у них просить?

– Для начала, какую-нибудь одежду, малахай китайский, например. Парик можно у цирюльника в Дуньхуане заказать. И все. Вместо Валериана Кацебо я стану Ванном Кжун Чу...

– Лихо придумано... Тебе и документы сделают?

– Сделают. Могут и не только мне сделать...

– Ты собираешься бежать не один?

– Я собираюсь вместе со своим командиром, которому тоже пора в Россию. Давно пора.

– У-у-у, как все серьезно... Я – русский офицер, не дезертир.

– А кому служат русские офицеры на китайской земле? Когда их жены и дети умирают с голоду и страдают от гнета и унижения комиссаров?

– Так, Валериан, давай оставим этот разговор. Я уже пожалел, что взял тебя с собой. Лучше пришпорим коней. Мне твоя агитация уже порядком надоела.

Ремизов стегнул коня и понесся вперед на всех парах. Но над словами доктора задумался.

Разыскать пристанище профессора Немытевского оказалось не так-то просто. Местные жители, у которых Павел Петрович пытался спросить, где живет русский профессор, спешно убегали или просто отмахивались от Ремизова. И только когда расспросами занялся Кацебо, стало понятно, почему при упоминании имени профессора китайцы ведут себя так странно. Оказалось, что его непонятная болезнь местными воспринималась как чума. Его срочно выселили из номера в гостинице, и верный его ученик и ассистент Николай Платов с огромным трудом разместил больного старика у сердобольной старушки в маленьком не то домике, не то сарае.

Как только Ремизов шагнул в комнатку, где на полу, на подстилке из плетеных стеблей сухого камыша лежал пожелтевший и высохший, как мумия профессор, Кацебо шепнул ему на ухо: «Это не чума. Это отравление».

Ремизов даже выругался про себя от злости. Кацебо помешался на теме отравлений. Сначала весь отряд переполошил этим отравлением, теперь опять за старое взялся. Он шепотом попросил его выйти и подождать его на улице. Кацебо кивнул и вышел прочь. Ремизов наклонился над профессором и тихонько поздоровался.

Старик открыл глаза. Он несколько мгновений внимательно всматривался в Ремизова, видимо, не узнавая его. Павел Петрович прошептал:

– Это я, Ремизов. Вы слышите меня?

Профессор ответил лишь чуть заметным движением век. Он пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось. Губы беззвучно шевелились. Ремизов встал на колени и слегка приподнял профессора, который стал просто невесомым, пытаясь помочь ему сесть. Ему действительно стало легче говорить, точнее шептать. Ремизов склонился к самому лицу, чтобы попытаться услышать хоть что-нибудь. Немытевский с большим трудом прошептал:

– В рубахе... зашита карта... Найди список Чжана. Помни, он терракотовый... Колю береги. У него все мои записи, расчеты...

Больше он уже ничего не сказал. Снова впал в беспамятство. Ремизов бережно положил старика на лежанку из сухого камыша и побежал за Кацебо.

Доктор курил на пороге сарая. Он и слова не дал сказать Ремизову:

– Павел, у профессора редкая форма отравления. Похоже по симптомам на отравления газом. Помнишь, в 1914 году после немецкой ипритовой атаки, какими были наши парни?

Васильев и Колокольцев сразу умерли, а Голенищев несколько дней лежал. Он потом высох, как мумия...

Ремизов не дал ему договорить. Он схватил его за рукав и потащил к старику.

– Да хватит болтать, сделай же что-нибудь. Дай ему хинину, что ли...

– Не поможет... Он не жилец, вот-вот отойдет... Держись, Паша.

Ремизов молча сидел у лежанки профессора, с трудом сдерживая набегавшие слезы. Столько лет они дружили, мечтали, спорили. Немытевский заменял юному Павлу и деда, и отца. А еще он был другом и учителем. Как много узнавал кадет Ремизов из рассказов профессора! Он мог слушать его часами, не уставая удивляться эрудиции странного, вечно лохматого ученого...

А теперь он лежит на плетеном коврике за тысячи верст от Петербурга, высохший, как мумия фараона, готовый вот-вот встретиться с вечностью. И, даже теряя сознание, твердит про список Чжана. Ремизов передернул плечами от набежавшего на него озноба.

«Надо достать эту чертову карту, – подумал Павел Петрович, разглядывая рубашку Немытевского, – пока никто не видит. Раз профессор ждал меня, значит, никто другой, даже Николай, не знают о ее существовании. Но мне-то на что она сдалась? Что я с ней буду делать?»

Пройдя рукой по сгибам на рубашке Немытевского, Ремизов нащупал небольшое уплотнение на отвороте рукава. Ему было очень неловко ощупывать умирающего человека, но ничего не поделаешь, такова была его воля. Он потянул было за кусочек торчавшей нитки, но отворот был пришит довольно крепко. Надо было подцепить край ткани чем-то острым, но, как назло, с собой у Ремизова ничего острого не оказалось. Идти к Кацебо ему не хотелось. Никто не должен знать об этой карте, поэтому Ремизов приподнял руку профессора и зубами принялся отрывать край подшитой ткани на его рукаве.

Кое-как справившись с этой задачей, Павел Петрович извлек из тайника пожелтевший кусок бумаги, аккуратно свернутый в трубочку. Развернув ее, Ремизов ахнул. Перед ним на ладонях лежала схематическая карта местности, прекрасно ему известной.

Глава четвертая

Кельн, март 201 года*

Клара и Гюнтер уже пятнадцать минут торчали в приемной Хельмута Штольца, дожидаясь аудиенции. Приехав минут за десять до назначенного времени, они слегка удивились, найдя офис своего спонсора. Это был всего лишь один кабинет в бизнес-центре, расположенном недалеко от Кельнского собора, минутах в десяти ходьбы от вокзала.

Здание центра было серым и невзрачным. На ресепшене, рядом с охранником, сидели две девицы, одна из которых любезно подсказала Кларе, как найти кабинет за номером 413. Вот именно этот кабинет так сильно смутил Гюнтера: большая комната метров в тридцать была разделена пластиковой перегородкой на две части. В одной части – приемной – сидела с бейджиком «Катарина», выполняющая функции секретаря. За перегородкой, видимо, и располагался кабинет Штольца.

Клара обрисовала Гюнтеру Штольца в самых выгодных красках – совладелец нескольких компаний по производству запчастей для автомобилей, расположенных во всех частях света – в Китае, на Тайване и даже где-то в Центральной Америке. Он решил выступить спонсором экспедиции, но в последний момент захотел вдруг ехать сам. Поэтому и пригласил Клару с Гюнтером на беседу, на которую, к слову сказать, опаздывал.

Гюнтера удивило то, что владелец сети компаний, обеспеченный человек, выбрал такой невзрачный офис. Даже если он появляется здесь нечасто, все равно как-то очень уж здесь простенько и дешево.

Клара только ворчала на Гюнтера:

– Зачем человеку тратить лишние деньги? Все миллионеры каждый цент считают. Это ты в России насмотрелся на местных нуворишей, у которых даже унитаза позолоченные, а теперь придираешься к немецкой практичности.

– Да не придираюсь я вовсе... Просто меня сомнения одолели, а вдруг он не тот человек, за кого себя выдает? И потом, в России я что-то ни одного позолоченного унитаза не видел.

– Ну вот, приехали! Как это не тот человек? Мне его в университете на кафедре представили. Он всю нашу профессуру знает.

– Ой, Клара, где-то ты умная, а где-то такой наивной бываешь, что я просто поражаюсь тебе. Зачем он с нами собрался ехать, а?

– Интересноется человек... Хобби у него такое.

– Странное хобби, согласишься.

– Да ничего странного. Может быть, он всю жизнь мечтал в археологической экспедиции поучаствовать?

– Ну и ехал бы. Вон их сколько бывает! Из нашего университета каждый год ученые ездят в экспедиции по всему свету. И совсем не так далеко, как мы. А тут ведь за тысячи километров, в совершенно заброшенный край... Ох, не нравится мне все это.

– А мне твоя подозрительность, герр Зоммер, не нравится. Вечно ты всех подозреваешь, не доверяешь. Вот сейчас с ним познакомишься и поймешь, что он вполне порядочный человек.

Только сейчас Гюнтер понял, что Хельмут мог просто понравиться Кларе. Она сейчас, после своего второго развода, только начала обращать внимание на мужчин. И если она так активно защищает Штольца, значит, он ей пришелся по душе. Ладно, посмотрим, что за тип это Хельмут Штолец.

Только Гюнтер взялся изучать замеченный на столе журнал про автомобили, как дверь офиса стремительно открылась, и в комнату влетел, именно влетел, а не вошел, взъерошенный

высокий мужчина лет сорока. Катарина немедленно расцвела в приветственной улыбке. Да и Клара тоже.

Как Гюнтер и предполагал, Клара попала под обаяние этого человека. И хотя первым делом он бросился к Гюнтеру с извинениями за опоздание и чересчур долго пожимал ему руку, и только потом уже обратил внимание на Клару. Поцеловав Кларе руку и нежно улыбнувшись своей помощнице, Хельмут поспешил к раздвижным дверям, ведущим на его половину.

– Прошу в мой скромный кабинет. Сюда, пожалуйста.

Гюнтер прошел следом за хозяином. Кабинет был похож на библиотечный склад: по стенам его ровными стопками, вплоть до потолка, были разложены книги, буклеты, журналы. О том, что в двадцать первом веке существуют книжные полки и стеллажи, Хельмут Штольц, похоже, не знал. У окна стояли деревянные ящики и картонные коробки с наклейками типа: «1993 год. Камбоджа» или «1998. Мексика», видимо, заполненные также бумагами или снимками. В центре, правда, стоял вполне современный компьютерный стол, кресло и несколько стульев для гостей.

– А у вас тут довольно... аскетично, – заметил Гюнтер, взглядываясь в корешки книг.

– История, знаете ли, мое хобби, – ответил Хельмут, ничуть не смущаясь, – я держу этот кабинет втайне от всех, даже от жены. Знаю, что где лежит, с закрытыми глазами, на ощупь, найду любую нужную мне книгу. Поэтому мебели здесь почти нет. Гостей я здесь не принимаю. Вы, господа, исключение из правил. Но раз впереди нас ждет совместное путешествие, я не стал скрывать от вас свою явочную квартиру.

– А от жены вы прячете книги или свою секретаршу? – любопытно спросила Клара.

– А от нее я здесь прячусь сам, – сказал Хельмут и так заразительно рассмеялся, довольный своим ответом, что Клара с Гюнтером тоже не удержались и прыснули вместе с ним. – У меня здесь и НЗ имеется.

Он наклонился над столом, пошуршал там чем-то, и извлек на стол сначала пузатенькую бутылку с ликером и потом более плоскую с виски.

– Стаканчики одноразовые, не возражаете?

Клара с Гюнтером не возражали.

– Тогда за знакомство, – сказал Хельмут и принялся разливать виски по бумажным стаканчикам. Кларе, не спрашивая, он налил ликера. Возражать она не стала, хотя Гюнтер точно знал, что Клара предпочитает более крепкие напитки, как любой уважающий себя археолог. Что-то очень русское было в этом «за знакомство» и в одноразовых стаканчиках... Гюнтер, выпив, не удержался, обратился к хозяину кабинета:

– Вы бывали в России?

– Конечно, и не один раз. У меня мама – из семьи русских эмигрантов, а отец – баварский парень. Так что я бывал в Петербурге, в Москве и даже в Киеве. А почему вы спросили?

– Выпить за знакомство чаще всего в России предлагают...

– А вы откуда знаете русские обычаи?

– Большую часть времени я провожу в России. У меня там ... жена, друзья. В общем, в Германии я только работаю. С близкими встречаюсь, с родственниками...

– Так это же замечательно! В Китае русский язык многие знают, нам легче будет общаться с местным населением. А без контактов с аборигенами нам тяжело придется. Хорошо, что Клара знает китайский язык, ей там придется и переводчиком поработать.

– Откровенно говоря, герр Штольц, мне бы хотелось обсудить финансовую сторону нашего совместного... предприятия. Ведь поездка займет немало времени, возможно, несколько месяцев. А мне нужно содержать семью... У меня жена беременна. На какую сумму я бы мог рассчитывать?

Штольц не удивился вопросу, напротив, очень четко объяснил систему выплат. Затем в беседу вступила Клара, и разговор плавно перешел в обсуждение деталей предстоящей экспедиции.

Позже, сидя в кабинете Клары и попивая крепкий чай, Гюнтер делился с подругой своими впечатлениями о встрече со Штольцем:

– Все понимаю – человек увлеченный, я бы даже сказал, увлекающийся. Решил организовать поездку по местам «боевой славы» великих немецких археологов первой половины двадцатого века. Все, что можно было найти в Дуньхуане, нашли еще сто лет назад. Там сейчас уже ничего не найти... Клара, но ты-то должна это понимать. С нами все понятно – нам грант дают, мы едем, чтобы исследовать пути немецких археологов на немецкой земле, чтобы потом было о чем своим студентам рассказывать... А у него-то какой интерес? Такие деньги вкладывать человек, привыкший считать каждую копейку, просто так не станет. Мне кажется, что он нам чего-то не договаривает.

– Сколько лет тебя знаю, Зоммер, ты все время сомневаешься. Во всем видишь какой-нибудь подвох. Может быть, уже пора научиться доверять людям?

– Может быть... Только интуиция меня редко подводит. А она мне сейчас подсказывает, что Штольц ведет свою игру, в которой мы с тобой просто пешки. Да, дорогая Клара, именно пешки, а не король с королевой.

– Все, Гюнтер, хватит об этом. Пошли лучше в библиотеку, посмотрим, что писали газеты о Дуньхуане сто лет назад.

...Как только Штольц закрыл дверь за Klarой и Гюнтером, так с его лица сразу же сошла улыбка. Теперь от его обаяния, на которое так легко купилась Клара Кейдер, не осталось и следа. В кресле сидел совсем другой человек – расчетливый, злобный, с холодным взглядом, устремленным в одну точку. Он то и дело кусал свои тонкие губы, злился на себя за то, что выбрал неверную стратегию в общении с Klarой и Гюнтером.

Он опять полез в стол, но теперь уже достал бутылку водки и обычный стеклянный стакан, который тут же наполнил до краев.

– Ишь ты, наблюдательный какой... – ворчал Штольц, вспоминая Гюнтера, – «вы бывали в России?». Да я оттуда еле ноги унес, иначе валил бы лес на Колыме... И зачем я им выпить предложил? Вот ведь дурак. Если он меня раскусит, придется его закопать в первом же китайском кургане...

Глава пятая

*Западный Китай,
весна 1921 года*

Всю обратную дорогу Ремизов молчал.

Бедняга Немытевский скончался на его руках, и ему было очень тяжело оттого, что он не успел поговорить со стариком. То, что профессор успел прошептать ему перед смертью, конечно, вселяло надежду, что ушел старик в другой мир со спокойной совестью. Ведь он дождался Ремизова, передал ему карту, в общем, выполнил все, что наметил...

Однако Ремизову от этого не становилось легче. Тем более что карта, это несчастная карта, так и жгла ему руки.

Кацебо, как верный Санчо Панса, сопровождал Ремизова и не лез к нему с расспросами. Он умел быть тактичным и понимал, что на душе у его бравого командира кошки скребут. Он очень кстати оказался рядом с Ремизовым, так как Павел Петрович совершенно растерялся после смерти профессора и просто не знал, куда же обратиться, чтобы похоронить старика по русскому обычаю. Он, как и бедный несчастный Коля Платов, молча стоял у смертного одра из плетенной сухой травы, не зная, что делать с покойным. Кацебо вырубил. Он быстренько поговорил со старушкой, сдавшей комнату профессору, отлучился куда-то на часок, прихватил медикаменты, припасенные для Немытевского, и вернулся с двумя шумными молодыми китайчатами. Они, пощebetав между собой на своем наречии, быстро замотали тело в циновки и куда-то понесли.

Ремизов бросился было за ними, но Кацебо остановил его жестом руки:

– Они доставят его в нашу церковь, а вы пока с Платовым помяните старика.

Он передал в руки Ремизова небольшую фляжку и кусок черного хлеба, а сам скрылся вместе с китайскими носильщиками.

Коля стоял рядом с Ремизовым, подавленный и растерянный.

– Понимаете, Павел Петрович, я ведь остался с профессором совсем один. Наша экспедиция давно отсюда уехала, но я ведь не мог бросить старика. Что бы я тогда Оленьке сказал? И что я теперь ей скажу... Да и когда я ее теперь увижу. Ой, как же мне все это надоело. Так хочу домой, в Петербург.

– В Петроград, голубчик мой, в Петроград. Я тоже хочу. Но есть ли там теперь кто живой? Вы давно известия из Питера получали?

– Да какие тут известия... Я даже не в курсе того, как вернулись наши из экспедиции обратно в Петербург, простите, Петроград. Это, почитай, полтора года прошло, как мы здесь с профессором остались вдвоем. Хорошо, что у нас кое-какие средства имелись...

Глядя на Колю, такого подавленного и несчастного, Ремизов подумал, что бедному профессору этот паренек заменил сына. Его дочь Ольга, в которую Коля был влюблен с детства, была совершеннейшей копией своей матери. Союз профессора Немытевского с огненно-рыжей красавицей Моникой Ярошевской был для всех окружающих чем-то из ряда вон выходящим, неподдающимся никакому объяснению. Один только Ремизов и понимал, что воспитанная в лучших дворянских традициях и получившая прекрасное образование Моника, очарована была не внешней красотой, а богатым внутренним миром профессора. Он пленил ее рассказами о древней Трое, о своих знакомствах со Свенном Гедином и Николаем Пржевальским.

Профессором Немытевский стал довольно рано по тем меркам – в сорок с небольшим лет, а восемнадцатилетняя Моника посещала его лекции. Отсюда и такая общность интересов, такой удивительный союз соратников, а впоследствии, супругов...

Ольга была такой же красавицей, как и ее мать. От отца, к счастью, она унаследовала только невероятно острый ум и тягу к истории, а вот внешностью полностью повторила мать.

Коля Платов был без памяти в нее влюблен. Все свободное время он проводил в семье Немыевских, тем более что его родители жили в Полтавской губернии и редко навещали его. Все, кроме Ольги, воспринимали его как потенциального жениха, но для нее он был не более чем друг. Близкий друг или старший брат, которого у нее не было, но иметь какого она всегда желала.

Ольга никому никогда не признавалась, что близкий друг отца, офицер царской армии Ремизов, был тем единственным мужчиной, о котором она мечтала... А Ремизов, естественно, об этом и не догадывался. Конечно, он неоднократно отмечал, насколько хороша и привлекательна дочь профессора, но оценивать ее как объект для ухаживаний, он бы никогда не посмел.

Павел Петрович после похорон профессора решил забрать Колю в отряд. Кацебо согласился определить его, как медбрата, чтобы ни у кого из излишне раздражительных в последнее время офицеров и солдат его появление не вызывало бы лишних вопросов. Разместился Платов в «кабинете» Кацебо, и мгновенно определил Валериана в свои кумиры.

Теперь, когда с Колей все более или менее решилось, да и боль от потери профессора слегка улеглась, все внимание Ремизова занимала карта.

Когда он дрожащими от ужаса руками развернул только что изъятый из-под полы рубахи Немыевского желтый истертый свиток, то увидел на нем схему пещер Могао, в которых его отряд квартировал уже несколько месяцев. Это было для Павла Петровича настоящим потрясением.

Только теперь он понял, почему профессор в своем письме так уклончиво написал о своей находке – чтобы, в случае, если кто-то другой, не Ремизов, прочтет письмо, то ничего не поймет.

...После того, как небольшой отряд из армии атамана Дутова, в составе которого был и поручик Ремизов, перешел границу с Китаем и добрался до Дуньхуана, местные власти решили разместить белогвардейцев в пещерах Могао. Кто первым додумался до того, чтобы озлобленных, изголодавших людей разместить на территории архитектурного памятника двенадцатого-тринадцатого века, не понятно. Да и до памятников ли теперь было... Ремизову с его людьми было все равно, где размещаться – лишь бы была крыша над головой и сухой пол, на котором можно было бы спать.

Павел Петрович в силу своей тяги к истории и археологии, поначалу даже не мог поверить, что судьба закинула его в этот необычный край – настоящую Мекку для синологов всех стран. И поначалу он сутки напролет изучал надписи и рисунки на стенах, вспоминая Немыевского, рассматривал древние статуи, выполненные из красноватой глины, делал записи и зарисовки, и ругал на чем свет стоит офицеров, небрежно относящихся к этому культовому месту. А потом привык...

Главным было выжить в этих условиях, а на то, чтобы любоваться фресками и наскальными рисунками, у Ремизова уже не оставалось сил.

И вот, пожалуйста. Карта Немыевского полностью повторила схему расположения пещерного комплекса. Точь-в-точь! Получается, что «терракотовый список Чжана» спрятан именно в этом месте. Но как его найти? С чего начинать поиск? Пока ясно только одно – список этот терракотового цвета.

Павел Петрович решил поговорить с Колей и ознакомиться с записями профессора. Он был ассистентом профессора, значит, должен все знать о его исследованиях, если за время пути он составлял отчеты и делал записи, так как профессор был уже слаб зрением. Но что очень смущало Ремизова? Почему схема была составлена рукой профессора? Именно его крючочки и завиточки на некоторых буквах делали почерк профессора узнаваемым и, практиче-

ски, неповторимым. Номера пещер-комнат были пронумерованы. Некоторые из них подписаны довольно загадочно. Например, рядом с номером двадцать два стоит надпись: «гим», возле сорок шестого – «Х?» и так далее. Слово «гим» повторялось чаще других, знак «Х?» – тоже нередко упоминался.

Уж если профессор самостоятельно корпел над схемой, значит, Коля ничего не знает о ней? И тогда почему Немытевский держал ассистента, верного и преданного подобно псу, в полном неведении?

Надо как-то разговорить Колю, но ненавязчиво. Ремизову пришла в голову мысль напоить Платова и выведать, знает он хоть что-то о карте или нет. Ведь не зря говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Тут как раз Кацебо предложил по русскому обычаю, на девятый день, помянуть усопшего профессора. Ворчливый и явно не довольный появлением в отряде Коли адъютант Петруха Дронов быстро организовал поминальный стол: вареные яйца, сало, даже испек какие-то лепешки. Кацебо достал из своих запасов бутылку спирта и три мензурки. Его терзал вопрос: отчего умер профессор? Чем он мог отравиться? Поэтому доктор то и дело донимал Колю расспросами, где они работали, не было ли каких-либо испарений и т. д.

Коля расчувствовался, и после второй мензурки выпитого спирта пустил слезу, и, к всеобщему удовольствию, стал очень красноречив. Поначалу Ремизов прислушивался к тому, что Коля рассказывал Кацебо, а затем и сам стал задавать вопросы.

Картина вырисовывалась очень интересная...

В последние годы профессор вел активную переписку с немецкими исследователями Китая. Он даже специально съездил в Берлин, чтобы на месте ознакомиться с содержанием многочисленных ящиков с фресками из монастырей в Безеклыке и Дуньхуане, которые немецкие исследователи активно вывозили из Поднебесной. Так как большая часть фресок не была выставлена в экспозиции берлинского Музея этнологии, потому что с этими экспонатами требовалась серьезная работа, профессор, пользуясь своими связями, рассматривал их прямо в запасниках. Коля при этом не присутствовал, так как профессор ездил в Германию без него, а с дочерью Ольгой. Именно она вела все его путевые дневники и составляла отчеты. Позднее, когда Немытевский с Платовым уже находились в Безеклыке, профессор как-то вскользь, но не очень подробно, упомянул своему ассистенту о том, что наткнулся в одном из ящиков на интересную фреску, содержащую некое подобие химической формулы.

У Николая был один существенный недостаток. Он не умел, в отличие от Немытевского, читать фрески. Да, именно читать, потому что далеко не вся фресковая живопись основана на изображении чего-то или кого-то. Некоторые фрески представляют собой математические расчеты, технологические описания каких-либо явлений, инструкции, наконец, но чтобы фреска содержала химическую формулу! Это, бесспорно, Немытевского очень заинтересовало.

Услышав про формулу, Кацебо оживился. Он подлил в мензурку Платова еще немного спирта, несмотря на хмурый взгляд Ремизова, подцепил на струганную заостренную ветку кусочек сала и немного хлеба и, протянув сие художество захмелевшему юноше, принялся вновь его расспрашивать:

– Николай, голубчик, а как вы думаете, не пытался ли профессор, после того, как вернулся из Берлина с этой самой формулой, ее воспроизвести? Не ставил ли он часом опыты?

– Пытался, конечно, даже обращался на кафедру химии за какими-то реактивами. И опыты там, в лаборатории, и проводил.

– А вы-то, сами, не присутствовали при этом?

– Нет, он меня не взял, сказал, что это может быть опасно для моего здоровья. И вообще, он тогда меня работой загрузил по самую маковку.

– Но позвольте, а как же он сам? Для его здоровья эти опыты могли быть очень опасны. – Коля задумался на мгновение, и, переводя взгляд на Ремизова, сказал:

– Но он работал с лаборантами... Они ведь опытные специалисты, предупредили бы его в случае опасности.

Тут уже насторожился Ремизов:

– А вы уверены, что он был с лаборантами, а не самостоятельно все проделывал?

– Нет, не уверен. Он мог мне и не признаться...

Тут Коля часто-часто заморгал глазами и шепотом спросил, обращаясь к Кацебо:

– А, может быть, он от этого и умер?

– Все возможно, – заметил Кацебо. – Тогда вполне объяснимы симптомы... Помните, Павел Петрович, я говорил, что он умер от отравления, а вы меня... по матушке выругали?

– Я помню также про бунт, который наше ратное воинство по вашей милости, доктор, здесь учинило. Валериан, вы, видно сами забыли, что мне пришлось народ усмирять с оружием в руках. Ну да это дело прошлое... И что сейчас думать-гадать, профессора ведь уже не вернешь. Лучше я бумаги Немытевского посмотрю. Вы, Коля, завтра с утра занесите мне все, что из записей профессора у вас имеется.

– Ой, там столько всего имеется! Целый саквояж рукописями забит.

– Вот вы мне его и занесите.

Знакомство с бумагами профессора оказалось занятием наиувлекательнейшим. Столько всяких сведений – по истории, мифологии, географии было собрано воедино, что Ремизову пришлось немало повозиться, чтобы хоть как-то в них разобраться. Платов, который фактически за профессора вел путевые дневники, записывал за ним все слово в слово, не утруждая себя классификацией полученных знаний хотя бы по направлениям. Ремизов, привыкший все четко, по-военному, раскладывать по полочкам, только удивлялся платовскому стилю работы... Хотя расшифровка записей профессора, в связи с его кончиной, теперь не потребует.

Впрочем, самого Ремизова записи очень заинтересовали. Как и Кацебо, которому не терпелось определиться – получил ли профессор отравление в связи с опытами или все-таки причиной его смерти явилось что-то другое?

Более всего Ремизова заинтересовал отчет Немытевского по исследованию фресок, привезенных немецкими путешественниками из экспедиции 1901–1903 годов, записанный с его слов дочерью Ольгой. Содержались они в специально сколоченных ящиках, с небольшими отверстиями на крышке, обитых мешковиной, в хранилище музея в подвальном помещении. Немытевский довольно долго искал эти ящики, сверяясь с табельными номерами, и никак не мог понять, почему их так далеко упрятали. Ответ оказался до банальности прост – от этих ящиков исходил неприятный запах. Он в несколько раз усиливался, если помещение плохо проветривалось. Поэтому их и определили так далеко, где было прохладно, и запах особенно не чувствовался.

Немытевскому пришлось долго уговаривать подсобных рабочих, ни в какую не желающих возиться с «этими вонючими гробами», чтобы они помогли ему лишь вскрыть ящик и стащить тяжелую крышку. Только когда он «позолотил руку» старшего из них, парни быстро расправились с витиевато закрученной крышкой и покинули подвал, заполнившийся запахам серы и других, трудно поддающихся описанию «ароматов».

Профессор остался один. Взобравшись по приставной лесенке на ящик, он стал вынимать куски настенной живописи, обернутые войлоком и хлопковым волокном. Каждый слой фресок был тщательно проложен сухим камышом, войлоком, и даже досками, поэтому извлекать их из ящика было делом непростым.

Профессор при этом стал чихать, причем так активно, что чихание не прекращалось несколько минут. Видимо, в ящиках среди всевозможных присыпок для сохранения фресок, использовали какое-то вещество или реагент, но увлеченный делом Немытевский этого не замечал. И ничего не написал об этом в своем отчете. «И напрасно, – подумал Ремизов, вни-

мательно вчитываясь в текст отчета, – кто же знает, чем музейные мастера, среди которых был даже профессиональный химик, посыпали фрагменты фресок?»

Интерес, который испытывали к китайским фрескам, был огромен. Ведь информация, зашифрованная в рисунках, иероглифах, символах и других изображениях, накапливаемая веками, могла быть поистине неоценима. Кто-то мечтал найти зашифрованную формулу вечной молодости, силы или власти, которую великий Будда мог оставить потомкам именно таким способом. Другим найденные раритеты могли принести известность и славу...

А профессор Немытевский мечтал найти список Чжана. Все остальное – деньги, почет, признание – было уже вторично. Его интересовало только содержание списка. «Главное найти и понять, что же великий китайский путешественник обнаружил такого, что смог удержать в тайне от всемогущего императора Уди на протяжении многих лет, – писал в своем отчете профессор Немытевский. – Что за тайну он пытался сохранить? Кому он собирался ее открыть?»

Однако Ремизову, которого чтение записей затягивало все больше и больше, стало совершенно понятно, что столь любимые профессором фрески сыграли с ним злую шутку. Так или иначе – от сильных реагентов, с помощью которых фрески отлепляли от стен, или же из-за чего-то другого, – фрески стали причиной болезни профессора, а впоследствии и его гибели.

Глава шестая

*Санкт-Петербург,
весна 201* года*

Приезд Гюнтера затягивался. Марина в последнее время, возможно из-за ненастной и сырой погоды, стала чувствовать недомогание. Она все больше сидела дома, поменьше стараясь выезжать куда-нибудь в центр или на работу, тем более что больничный лист ей продлевали без проблем.

Гюнтер звонил часто, интересовался здоровьем и на вопрос: «Когда вернешься?» обещал, что в самое ближайшее время заскочит на несколько дней в Питер перед тем, как отправится в экспедицию. Но это время пока не наступало. Зато Марина теперь могла часами валяться в постели, смотреть телевизор и читать книги. Даже мама не ворчала и не придиралась, а только чаще стала приносить к ней в комнату поесть чего-нибудь вкусенького, хотя раньше этого никогда не делала. Ее, как медика, немного беспокоили анализы крови дочери, которые Марина делала каждые десять дней, поэтому она старалась создать для единственной дочки и будущего ребенка идеальные условия.

Пользуясь свободой и отсутствием всяких неотложных дел, Марина обзвонила всех подруг и приятельниц. Позвонила также своим друзьям по «алтайским приключениям» – Тимофею Морозову – телохранителю олигарха Троеглазова, с которым они вместе искали загадочную Сигору, и Володе Тарасову, благополучно вернувшему их из этого трагического путешествия благодаря своим милицейским связям¹.

У Тимофея жизнь, что называется, была ключом по крепко прилаженной на исполинских плечах голове, которая выдерживала удары и посильнее. Он тоже обещал в самое ближайшее время навестить ее, как только из Германии вернется ее любимый бюргер, и за рюмкой чая рассказать последние московские новости. А вот у Тарасова новости были покруче – он баллотировался на выборах на пост мэра Зубовска, и, судя по всему, имел неплохие шансы на победу.

С Катей, с которой они уже год были женаты, как только завершатся выборы, они планировали посетить Петербург. В общем, все у всех было хорошо. Это и радовало Марину, и немного огорчало, потому что по опыту она знала, все хорошее имеет обыкновение заканчиваться в самое неподходящее время. Чтобы невеселые мысли зря не лезли в голову, Марина решила поинтересоваться проектом, которым сейчас занимался Гюнтер.

Пока он жил в Петербурге, Клара Кейдер всю необходимую информацию пересылала по электронной почте. Иногда Гюнтер звонил ей, они что-то обсуждали по телефону, и большую часть информации по проекту заносил в их общий с Мариной компьютер. И хотя Марина никогда не заглядывала в личную переписку Гюнтера, из-за вынужденного безделья она решила поинтересоваться, чем Гюнтер планирует заняться в этой поездке.

Она, почтавав последние новости в Интернете, нашла папку «Дуньхуан» и с удовольствием бросилась в изучение материала.

Конечно, историю открытия Дуньхуанского хранилища раритетов сегодня знает любой уважающий себя специалист по истории Китая. Марина еще в юности мечтала побывать здесь, своими глазами увидеть настенную живопись, побывать в пещере Тысячи Будд, но как-то не сложилось... Теперь же, спустя сто лет со времени первой немецкой экспедиции в Дуньхуан, туда отправляется целая команда специалистов с какой-то непонятной, на взгляд Марины, целью.

¹ Читайте подробнее в книге Альбины Скородумовой «Западня для олигарха».

Клара давно мечтает написать книгу об этом крае – с ней все ясно. Гюнтер едет в качестве эксперта, ну и негласно, человека, способного приглядеть за всей этой разношерстной командой, а вот некто предприниматель Штольц что там собирается делать?

В России, например, не так просто частному лицу, пусть даже частично спонсору научного проекта, попасть в состав официальной группы, да и в Германии это не так-то просто... А как же Штольцу удалось войти в состав членов экспедиции? Да и что он там собирается делать? С его-то профессией – владелец предприятий по производству запчастей к автомобилям немецких марок?

...От чтения интересной статьи ее оторвал телефонный звонок. Это был Гюнтер:

– Привет, фрау Рябинина! «Лето» на связи.

– Вообще-то, я фрейлейн. И судя по тому, как редко господин «Лето» меня навещает, так и засижусь в девицах.

– Ну-ну, Марина Юрьевна, вы преувеличиваете! Вам осталось совсем немного времени наслаждаться свободой. Вот вернусь из Китая, привезу тебе кимоно с большим бантом на... в общем, чуть ниже спины и поведу в первый попавшийся муниципалитет...

– У нас это называется загс. К тому же, пока «Лето» вернется, будет уже осень, и я со своим огромным животом ни в одном загсе не помещусь...

– Насчет осени пока ничего неизвестно. Возможно, мы справимся и за три месяца – в июле буду в Питере. А вот раньше увидеться нам не удастся.

– Как! Почему? Ты что, не приедешь?

– Представляешь, наша Клара вчера умудрилась выбить палец на правой руке. Она, видите ли, в волейбол решила поиграть... Ну и доигралась. Мне теперь приходится вместо нее все оставшиеся документы собирать – разрешения, письма, запросы из музея. Думал на пару дней вырваться к тебе, но, увы. И потом, у Штольца обстоятельства складываются так, что он может уехать или сейчас, или никогда. В общем, торопит нас, подгоняет, так что заехать к вам с дочкой я никак не могу. Прости.

Марина так расстроилась, что чуть не разревелась. Вот тебе и, пожалуйста, все хорошее кончается в самый неподходящий момент. Ждала его, ждала, а он и приехать не смог. Помолчав мгновение, Марина все же сдержалась, не дала волю чувствам.

– А как в Китае со связью? Дозвониться до тебя можно будет?

– Не могу сказать точно. В городе-то, конечно, без проблем, а вот в горах, возможно, и нет связи. Я уточню у Клары и тебе перезвоню. А сейчас мне уже пора ехать за ней. Чус!

Нажав на отбой, Марина уткнулась головой в подушку.

...Открыв дверь своим ключом, Галина Алексеевна удивилась необыкновенной тишине, царящей в квартире. Обычно у Марины в комнате играет музыка, телевизор надрывается, компьютер включен, а сегодня такая непривычная для этого времени суток тишина. Пальто на вешалке, сапоги любимые на месте...

Галина Алексеевна заглянула в комнату к дочери. Марина, свернувшись калачиком, спала с телефонной трубкой в руке.

«Наверное, Гюнтер звонил, – подумала она, накрывая дочь пледом, – скорее бы уж приезжал, а то совсем девочка моя извелась».

Положение, в котором сейчас находилась Марина, было, прямо сказать, незавидным. Гюнтер – парень неплохой, заботливый. Деньги присылает регулярно, подарки привозит, но появляется, как ясно солнышко – на несколько дней. Разве это семья? И потом, Маринке – уже за тридцать, незамужняя, беременная женщина. Чему уж тут радоваться? Во двор уж и выходить не хочется – местные бабульки так и поджидают, чтобы спросить, когда дочка замуж за иностранца выходит? А как живот заметят, так и вообще проходу не будет...

Она тихонько вытащила телефонную трубку из руки Марины, прошла на кухню, плотно прикрыв за собой дверь, и набрала номер Наташи Истоминой – школьной подруги дочери.

Наташа работала в серьезной фирме, была счастлива в браке, растила славного сынишку Кирилла². Она была самой близкой подругой Марины. И хоть в последнее время виделись они все реже и реже, Галина Алексеевна всегда звонила Наталье, когда ей нужно было повлиять на дочь. Вот и теперь она надеялась на то, что Наташа сможет как-нибудь развлечь подругу.

– Наташенька, здравствуй, голубушка! Это тетя Галя. Как поживаешь?

– Здравствуйте, тетя Галя! Сто лет вас не слышала и не видела. Что-нибудь случилось? С Маринкой все в порядке?

– Слава богу, все в норме, только тоскует моя доча по бургеру своему. Сейчас с работы пришла, а Маринка спит с трубкой в руке. От каждого звонка телефонного подпрыгивает, все ждет его, ждет, а он все не едет и не едет. В гости хочу тебя позвать, хотя бы на часок. Отвлеки ты ее как-нибудь от этого вечного ожидания. А то прямо свет клином сошелся на этом Гюнтере.

– Ой, обязательно приеду. Сегодня у нас вторник... Так, в четверг у меня встреча на выезде, так что закончу я часика в три и сразу к вам. Точно, тетя Галя, в четверг приеду. С вас пирог с брусникой.

За что Галина Алексеевна любила Наталью, так это за ее удивительную организованность. Если обещала – всегда выполняла, никогда никуда не опаздывала, и все время Маринку, которая с детства была малость рассеянной, умудрялась собирать в кучу. Если девчонки, а потом уже и девушки, вместе куда-нибудь уходили или уезжали, мать всегда была спокойна за дочь. Поэтому Наташа теперь начальником международного отдела работает, а Маринка вся в творческом поиске пребывает. Все какие-то мифические страны разыскивает, студентам лекции читает. Хотя, с другой стороны, Марина считается известным исследователем, доктор исторических наук, как-никак, но профессия какая-то нестабильная. Так размышляла Галина Алексеевна, глядя на свою любимую фотографию на стене – совсем еще юные Наташа и Марина стоят, обнявшись, на фоне величественного университетского здания Двенадцати коллегий.

Как она уговаривала дочку поступать вместе с Натальей на филологический факультет! Но Маринка ни в какую – только на восточный. Хорошо, хоть факультеты рядом, на Университетской набережной. Все пять лет на метро ездили вместе. Потом Наташа замуж вышла, а Маринка начала свои поездки по алтайским деревням и городишкам, откуда возвращалась с полными чемоданами записей...

Что за страсть такая у молодой девушки к легендам, сказкам, каким-то нелепым вещичкам, которые еще лет двести назад выбросить надо было, да ни у кого руки не дошли. Зато теперь дочь восхищается, как же здорово, что какая-нибудь старушка, девяносто девяти лет от роду, ей поясок от старой юбки своей бабки подарила, которая была настоящей шаманкой. До сознания Галины Алексеевны никак не доходило, неужели сидеть и слушать рассказы старух о том, что рассказывали им сто лет назад их прабабушки интересней, чем ездить с иностранными делегациями по разным странам? А потом ночами не спать и составлять отчеты, писать статьи, готовиться к лекциям...

Вот и любимого под стать себе нашла. Красивый, умный, иностранец к тому же, и тоже на всяких черепашках и осколках помешан. Одним словом, «два сапога – пара». Довольная тем, что в четверг приедет Наталья, Галина Алексеевна включила на кухне телевизор и занялась приготовлением трески под маринадом. Дочке кальций нужен.

Марина проснулась оттого, что почувствовала запах отварной рыбы. На кухне гремела кастрюлями мама, работал телевизор, жизнь шла своим чередом. Накинув теплый халат, Марина пошла на кухню. Решила пока не говорить о том, что Гюнтер не приедет. Зато мама порадовала сообщением о том, что послезавтра в гости нагрянет подруга Наталья. Вот уж кому

² Читайте о ней в романе Альбины Скородумовой «Французская мелодия, русский мотив».

можно поплакаться в жилетку, так это ей. Сколько слез, секретов и прочих тягот девичьей жизни выдержало крепкое плечо подруги! И, главное, сколько ему еще предстоит выдержать...

В четверг Наталья приехала, как и обещала, в пятом часу. Несмотря на дождь и с ног сбивающий ветер, примчалась к подруге по первому зову. Еще у лифта почувствовав запах любимого с детства брусничного пирога, вспомнила, сколько же тысяч раз поднималась она на четвертый этаж старенькой, но удивительно милой хрущевки, в которой Марина жила с матерью третий десяток лет.

Дверь открыла Марина – похудевшая, с впавшими глазами на очень бледном лице. За два месяца, прошедших с последней встречи подруг, она сильно изменилась, и Наташа сразу поняла, что Галина Алексеевна беспокоится за дочку не напрасно. Однако виду не подала, расцеловала по очереди и мать, и дочь и попросила чего-нибудь съестного:

– Тетя Галя, не поверите, выпила с утра чашку кофе и все. Маковой росинки во рту не было, перекусить было некогда. Сейчас упаду в голодный обморок от ваших умопомрачительных запахов.

– За стол, за стол! Садись, Натуля, все горяченькое. Сейчас вас покормлю, и на дежурство побегу, а вы уж без меня наговоритесь вдоволь.

Марина, глядя, как Наташа уплетает котлеты, селедку, колбасу, заедая до золотистой корочки обжаренной на сливочном масле картошечкой, порадовалась за нее. Аппетит у Наташки был, как всегда, отменный. Ей же кусок в горло не лез.

Галина Алексеевна не стала тянуть время, а, накормив подруг, в считанные минуты собралась и ушла на работу. Как только за матерью закрылась дверь, Марина тут же разревелась.

– Ну вот, началось в колхозе утро! Маринка, прекрати. Нельзя тебе расстраиваться. Что такого случилось, что ты ревешь белугой?

– Гюнтер позвонил и сказал, что перед поездкой в Китай, не сможет заехать, представляешь?

– Еще как представляю! Некогда ему, работает мужик. Понимаю, ты соскучилась, но чего в жизни не бывает? Не делай из этого трагедии.

– Да не за себя работает, а за эту «Клару Цеткин – Розу Люксембург». Она палец вывихнула, он теперь ездит и за нее все документы собирает. Это называется, подругу выручает. А на беременную жену времени у него нет.

– А когда они уезжают в экспедицию?

– Да уже со дня на день. Сначала контейнеры с оборудованием погрузят, а потом полетят сами. И вернуться неизвестно когда. Обещал, правда, что пораньше закончат, в июле. Ой, Наталья, мне вся эта идея коммерческой экспедиции как-то сразу не понравилась. С ними и спонсоры едут, представляешь?

– А что ты хотела? Кто платит, тот и музыку заказывает.

– Ну, скажи, зачем крупному производителю автозапчастей ехать на край земли в экспедицию? Хобби у него такое, видишь ли! Детский сад какой-то, честное слово!

Что-то Наташу в этом «производителе автозапчастей» зацепило. Как-то неприятно зацепило. Она поинтересовалась у подруги:

– А что за производитель?

– Да какой-то Хельмут Штольц. По-русски, кстати, неплохо говорит. В России бывал. Представляешь, Гюнтер заметил, что у него замашки типичного русского парня. Предложил за знакомство выпить, когда Клара привела Гюнтера с ним знакомиться.

Наталью прошиб холодный пот... С одним Хельмутом Штольцем ей уже приходилось общаться. Не приведи боже, если это окажется тот же самый человек! Естественно, подруге она ничего не сказала, понимая, что в ее положении лишние переживания ни к чему. Но чутье ей подсказывало, что речь идет именно об этом аферисте.

Года два назад в их фирму обратилась довольно крупная немецкая компания с предложением о создании совместного предприятия по производству запчастей к автомобилям немецких марок. Директор Артур Артурович встречался с представителем компании господином Штольцем и был в восторге от клиентов, но юриста фирмы что-то смутило в уставных документах.

Артур упорно уговаривал Мишу не сильно придирайтесь к документам, побыстрее подписать договор о намерениях, но Порецкий упирался. Дошло дело до конфликта, однако юрист не уступал. Наталья и сама довольно часто общалась с немецким представителем, правда, исключительно по телефону и тоже никак не могла понять, что Порецкого смущает. Почему он все рассылает какие-то запросы, наводит справки, а потом, когда увидела досье, собранное им на основного инициатора переговоров господина Штольца, поняла, почему Порецкий считается высококлассным специалистом. За Штольцем тянулся такой шлейф махинаций, причем не только в Германии, что разорить еще одну российскую фирму ему бы не составило никакого труда. Когда Артур Артурович увидел это досье, то, недолго думая, категорически отказался вести с этой компанией какие-либо дела.

Но поднимать шум не стали, хотя Миша предлагал передать досье в правоохранительные органы. Однако Артур Артурович, как человек очень осторожный, не захотел участвовать в разоблачении афериста международного масштаба. И вот на тебе, Штолец снова всплыл в ближайшем окружении Натальи. Причем сам он, конечно, не подозревает, что Гюнтер Зоммер и Наталья Истомина хорошо знакомы. Да что там Наталья! Главный разоблачитель Штольца Миша Порецкий тоже с Гюнтером знаком. Вот уж поистине, тесен мир.

Но говорить обо всем этом подруге Наталья не стала. Она решила потом перезвонить на мобильный телефон Гюнтеру, попросить, чтобы он переслал фото Штольца по ММС, и показать его Порецкому, который знает Штольца в лицо. Вот если он опознает его, тогда они вместе с Михаилом будут думать, что делать...

Глава седьмая

*Западный Китай,
весна 1921 года*

– Пожар, тикайте Пал Петрович, пожар!

Ремизов проснулся от крика своего ординарца и запаха дыма. Едва он поднялся с топчана, как бросился к выходу в чем был – одной рубаше и галифе, зажимая рот руками. Петруха, как заведенный, носился по пещере, собирая вещи в большой холщевый мешок. Он успел сунуть Ремизову его сапоги и китель, так как сам Павел Петрович со сна плохо соображал, что делает, и бросился бежать босым и неодетым. Дронов подталкивал командира в спину и кричал:

– Да бегите, бегите скорее, ведь угорим же.

Ремизов задыхаясь, на ощупь бежал по коридору, так все помещение уже было забито густым едким дымом. Едва выскочив на воздух и отбежав на пять шагов, Ремизов остановился перевести дух, и тут деревянные перекрытия, поддерживающие вход в пещеры, а теперь полыхающие как березовые поленья в костре, рухнули.

– Господи помилуй, уцелели! – прошептал Петруха, не переставая креститься. – Заново, просто ведь как заново родились, а?

Ремизов только сейчас сообразил, что от неминуемой гибели его спасли какие-то секунды и, конечно, верный адъютант.

– А люди, как же люди? – глядя на полыхающий деревянный каркас, спросил Ремизов.

– Что люди? Кто-то успел выскочить, а кто и нет. Пойдемте от греха подальше.

– Надо людей спасать, вдруг кто-нибудь остался в пещерах?

– Как же мы спасать будем? Вход завалило, а другого входа нет.

– Нет, Петр, надо что-то предпринимать. Пока я одеваюсь, поищи кого покрепче, надо будет завалы растащить. Да, и багор поищи. У нас ведь на подворье был какой-то.

Дронов убежал, а Ремизов одевшись, попытался поближе подойти к входу. Едкий дым валил отовсюду, и разглядеть что-либо было очень трудно. Вокруг слышались крики, стоны, ржание испуганных лошадей, которые вперемежку с людьми бежали, куда глаза глядят. Остановить это «броуновское движение» не было никакой возможности. Паника тем и страшна, что совершенно лишает людей рассудка.

Вернулся Петр, да не один, а с доктором Кацебо. Доктор был весь обвешан мешками и баулами. Он обратился к Ремизову:

– Павел, время пришло. Пора уходить, пока еще не совсем светло, мы уйдем незамеченными.

– Ты с ума сошел, Валериан? Я командир и не могу бросить людей.

– Нет, это ты с ума сошел. «Я – командир», – подражая голосу Ремизова, Кацебо угрожающе шел на него. – Кем ты собираешься командовать? Спаслись мало кому удалось... а те, кому посчастливилось, разбежались кто куда. Нет больше твоего отряда, понял? Нет!

Кацебо взобрался на каменный выступ, с которого открывался прекрасный вид на пещеры. В предрассветный час хорошо просматривалась территория на несколько километров вокруг. Люди разбежались от места пожара в разные стороны, как муравьи от муравейника. Кто тащил на себе тюки и котомки, кто-то просто бежал налегке. Доктор повернулся к Ремизову и показал рукой на разбегающихся людей, язвительно заметил:

– Вот оно – доблестное воинство... поди, собери их теперь. Пора Ремизов, пора. Вещи твои Петька Дронов собрал, вот и чемоданчик с записями профессора взял. Хотя их, наверное, можно выбросить?

– Нет, записи мне нужны. А где Коля Платов?

– Так ведь задохся поди уж, – ответил Дронов, – он ведь с вечера, как вы его накачали, уснул сном младенца. А с непривычки оно... спится крепко. Когда пожар начался, эта суматоха пошла, я его уже и не видел. Наверное, во сне и угорел, сердешный.

Сказав это, Дронов быстро-быстро перекрестился. Кацебо продолжал:

– Пойми, Паша, нам надо уходить, у-хо-дить, пока не поздно. Сейчас из города приедут местные власти и тебя первого во всем обвинят. Ты здесь главный, значит, недосмотр по твоей вине, и навесят на тебя всех дохлых собак. Тебе это надо? Пойдем, Ремизов, у верных людей пока поживем. Документы я организую.

Тут в разговор вмешался верный адъютант:

– Верно доктор говорит, Пал Петрович! Чую я – тикать нам пора, а то, и правда, загребут, ой, загребут! Давайте я погоны сниму, пока не поздно.

Ремизов растерялся. Не раз, и не два в жизни ему приходилось принимать мгновенные решения, чтобы выжить. А в данной ситуации он ступешался, и сдался под напором Кацебо и Петрухи.

– Ну, тикать так тикать. И куда мы теперь?

Довольный Кацебо, подняв с земли свой медицинский саквояж и серый холщовый мешок, пошел в сторону, противоположную той, куда бросились бежать погорельцы из отряда Ремизова.

...На пятый день после пожара Ремизов впервые вышел на свет из своего укрытия. Все это время он провел в темной комнате, напоминающей скорее конуру, разве что размером, отличающуюся от собачьей, в хибаре давнего приятеля доктора Кацебо. Хозяин хибары – старик Хван, неоднократно обращавшийся к доктору за помощью, имел большие связи в местном криминальном мире. Он неплохо говорил по-русски, отчего Ремизов решил, что когда-то он жил или просто бывал в России. Слыл Хван в городе известным человеком, но чем он занимался и на что жил, никто толком не знал. К Кацебо обращался в тех случаях, когда у него случались приступы подагры. Валериан лечил его какими-то своими снадобьями, мазями, и старик боготворил русского военного лекаря.

Ремизову и самому было интересно, чем доктор лечит людей? Да не просто лечит, а буквально поднимает на ноги тех, кому, казалось бы, уже и не подняться. Он неоднократно задавал Валериану этот вопрос, на что док всегда находил шуточный ответ типа «заговорами» или «уколами спирта».

Как-то Петруха Дронов проболтался командиру, что видел у Кацебо небольшой кисет, который он всегда носит с собой на поясе. Что хранится в кисете, никто не знает, только Кацебо иногда добавляет его содержимое в те настои, которыми лечит больных. И ведь всегда помогает!

– Так может наш лекарь ведьмак какой, а? – неоднократно спрашивал он командира. На что Ремизов только пожимал плечами. Во всяком случае, мастерство доктора помогло им найти кров над головой после пожара.

Все дни и ночи, что беглецы провели в полуподвале у Хвана, Ремизов молился. Про себя, конечно, чтобы Дронов и Кацебо не заметили. Он чувствовал себя подлецом и предателем одновременно. Удрал с пожарища, как последний трус. Вместо того чтобы организовать тушение и спасение людей, пустился в бег. А с другой стороны – как его, это спасение, организовать? Поблизости никакого водоема, хаос полнейший, люди ничего не слышат и никого не узнают. Кругом дым, пыль...

И потом, прав был Кацебо, когда сказал, что в пожаре обвинят его, Ремизова. Так и вышло. Хван рассказал, что в городе везде расклеены объявления о том, что разыскивается командир расквартированного в пещерах Могао отряда русских солдат Ремизов Павел Пет-

рович, обвиненный в поджоге монастыря – почитаемого памятника архитектуры. Хван даже принес одно из объявлений, чтобы Ремизов поверил в то, что во всем обвинили его. Хотя, по мнению старика, это могли организовать местные мусульмане, у которых свои счеты с буддистами. А виноватыми сделать русских, которые давно уже для всех, как кость в горле...

Вот и молился Ремизов за спасение души своей, да за тех, кто не успел выбраться из каменных пещер, заменившим погибшим могилы. И, конечно, за душу Коленьки Платова, с которым они накануне пожара крепко выпили. Павел Петрович винил себя в его гибели и в том, что не попытался даже его разыскать. Но такая попытка могла привести к аресту Ремизова. А жить-то хотелось. Ох, как же хотелось жить...

Старик Хван умудрялся ладить не только с криминальными личностями, но и с властями и представителями закона. Поэтому облавы Ремизову с товарищами были не страшны. Но время шло, и надо было всерьез подумать о том, как выбираться из Китая. Пользуясь гостеприимством хозяина, Павел Петрович лежал в полутьме в своем убежище, в то время как доктор Кацебо лечил многочисленных родственников и знакомых Хвана. Петруха стал для него первым помощником: он ловко растирал больные колени, научился даже делать массаж, отчего благодарные мужчины приносили ему в качестве оплаты местную водку. Пользуясь налево и направо своим природным обаянием, Петруха произвел фурор в семействе Хвана – вся женская его часть замирала при виде улыбчивого светловолосого «уруса», всегда готового помочь принести воды или помыть посуду. Отсюда – угощения в виде рисовых лепешек и сушеного мяса.

Жить так можно было и дальше, но Ремизову уже было невмоготу.

Он стал просматривать записи профессора, которые Петруха впопыхах рассовал по разным котомкам. Хотел все самое интересное и нужное оставить, а остальное сжечь. И совершенно случайно наткнулся на тонкую пожелтевшую тетрадь. Пролистал, удивился, узнав почерк профессора, который самостоятельно не вел записи уже много лет. На последней странице стояла дата: 26 июля 1903 года. В это время Ремизов еще был подростком и, конечно, о существовании Немытевского даже не догадывался. В записях чаще других упоминался Свен Гедин. Судя по записям, это был обычный путевой дневник путешественника.

Павел Петрович припомнил, что профессор как-то рассказывал ему о своем знакомстве со Свенем Гедином – известным шведским путешественником и историком, обнаружившем в песчаной пустыне Такла-Макан легендарный древний город Лоулань, но о том, что профессор работал вместе с ним, никогда не говорил. Ремизов не любил читать чужие письма, тем более дневники. Однако профессора уже нет в живых, а записи могут пролить свет на загадочный терракотовый список, который Немытевскому так хотелось найти.

Дождавшись момента, когда Кацебо с ассистентом Петром Дроновым пойдут заниматься «процедурами» и оставят его наедине, он набросился на старенькую тетрадку. Она начиналась с конкретной даты: 12 апреля 1902 года.

«С господином Гедином мне никак не удастся встретиться. Это просто рок какой-то: стоит нам только прийти в населенный пункт, где он должен находиться, как мы узнаем, что Гедин со своими немногочисленными помощниками уже несколько дней назад ушел в пустыню. Лично меня пески уже одолели. Нет сил неделями болтаться по пустыне, то и дело попадая в песчаные бури. Что-то их чересчур много для апреля. Наши сопровождающие из местных только поражаются таким природным метаморфозам и во всем пытаются винить нас – «заморских дьяволов». Рассказывают, что Гедин платит хорошие деньги своим проводникам, и они с большим рвением идут к нему в провозатые. Для них он ставит предельно понятную задачу – раскопать в пустыне что-нибудь интересное. Выдает им по одной лопате на брата, снабжает продуктами и отпускает в пески. Дня через два-три кто-нибудь из добровольцев возвращается. Иногда приносят что-то необычное, но бывает, что возвращаются

пустыми. Гедин просит нанести на карту маршруты их пути, со всеми запоминающимися ориентирами – высохшее дерево, заброшенный колодец, большой камень причудливой формы. Именно таким образом он нашел заброшенный Лоулань. Его нерадивый помощник из местных вернулся в лагерь без лопаты. Гедин осерчал и отправил его за лопатой, наказав, чтобы он к вечеру обязательно вернулся. Но, спустя несколько часов, началась сильнейшая буря, и бедняга заплутал в песках. Вернулся он не к вечеру, а к концу следующего дня, когда Гедин уже собирал добровольцев на его поиски. А не только с лопатой, а с целым мешком находок. Рассказал, что сбился с пути и во время бури, накрывшись с головой своим халатом, пролежал несколько часов под деревом, а когда буря улеглась, то откопался и глазам не поверил – прямо перед ним лежали древние кувшины, плошки, валялись сломанные инструменты – мотыги и прочие железяки. Казалось, что хозяин разложил их на своем участке и скоро придет, чтобы забрать. Только вот незадача – предметам этим было лет по восемьсот, следовательно, хозяину столько же. Проводник рассказал Гедину, какой ужас на него напал при виде всего этого. Он даже не стал ничего раскапывать, а побежал с этого места, не разбирая дороги...

Конечно, Гедин немедленно собрался в путь, только проводник очень уж упирался. Говорит, нельзя вещи вот так просто с земли собирать, когда раскопаешь, тогда другое дело. А вот если они на виду лежат, значит, хозяина ждут. Если их забрать, он за ними все равно придет и накажет за то, что без его ведома взяли. Вот такое дремучее невежество...

Гедин заплатил ему только за то, чтобы он довел их до места и ушел назад. Проводник так и сделал, а через несколько дней пропал. Ушел в пески и не вернулся. Местные жители решили, что это есть расплата за то, что довел группу до святого места. Не смог удержаться от соблазна, ведь Гедин ему очень много заплатил. Не надо было этого делать... Но Свен Гедин, тем не менее, стал открывателем Лоуланя. Во всем европейском сообществе археологов и этнографов его открытие наделало немало шума и поспособствовало невероятному всплеску интереса к Китаю в целом, и Лоуланю в частности».

На этом запись заканчивалась. Следующая была сделана значительно позднее – в июне. Но Ремизов читать ее не стал, решил, что пора поговорить с кем-то из местных жителей, кто помогал в работе профессору Немытевскому.

Для этого надо было дождаться Хвана и переговорить с ним. Почему-то Ремизов был уверен в том, что Хван знал о существовании Немытевского. От этого старика не ускользало ни одно более или менее значимое событие. А Немытевский много ездил по Китаю, и хотя последнее время он обитал в Безеклыке, от Дуньхуана это совсем недалеко. А старик испытывал к русским симпатию, или какой-то свой, только ему одному ведомый, интерес. Но, зная осторожность старика и его расчетливость, Ремизову надо было что-то предложить ему за сведения. Китайских денег у Ремизова не было совсем, он мог только отдать свои именные часы или пистолет. Все. Больше у него не было ничего.

Петруха оказался намного способнее его, Ремизова, в мирной жизни. Умудрился за несколько дней обучиться медицинским премудростям у Кацебо и теперь фактически обеспечивал своего командира. Мысль о том, что Ремизов стал не кем-нибудь, а приживалом, нахлебником у своего ординарца и полкового врача, удручала его невероятно. Они добросовестно отработывали у Хвана свой кусок хлеба и кров, а вот он сам... Но как не трудно ему было смиряться со своим нынешним положением, он все же решил не оттягивать разговор с Хваном.

Дождавшись, когда старик Хван появится на дворе, и, воспользовавшись отсутствием Кацебо и Петрухи, Ремизов направился к старику.

– Хван, мне поговорить с тобой нужно.

– Это радует, а то совсем загрустил господин офицер. Заходи ко мне, выпьем чаю.

Комната, в которой Хван принимал гостей, напоминала маленький музей. Ремизов удивился ее убранству и роскоши. На полу лежали мягкие, старинные ковры, хотя в остальных

комнатах были постелены циновки. На миниатюрных столиках и подставочках стояли многочисленные вазочки, кувшинчики, фарфоровые статуэтки ручной работы, отчего Ремизову показалось, что все это великолепие выставлено напоказ, как на витрине, с одной целью – чтобы произвести впечатление на гостя.

Дождавшись, пока дочь Хвана Тыхе – самая красивая из всей его многочисленной родни – принесла чай, Хван неожиданно спросил Ремизова:

– Правда, что Кацебо учился на врача во Франции?

– Насколько я помню, он учился в Германии, в Гейдельбергском университете.

– Он так ловко умеет укрощать боль, что наши местные доктора, которые лечат иглами, убеждают меня, что он шайтан. Однако я согласен терпеть шайтана у себя в доме, чем мучиться от подагры... Иглы мне уже не помогают.

– Нет, Кацебо – не шайтан, он просто хороший врач. Профессионал. Раненых солдат он оперировал прямо на поле боя, под пулями и многим из них спас жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.